

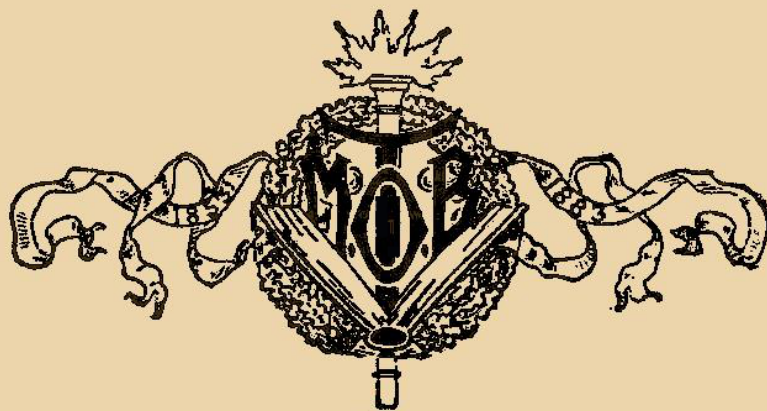
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

Подъ редакціей В. В. ЧУЙКО

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ЛЕРМОНТОВА, ЕГО БИОГРАФІЕЙ И 41
ОТДЕЛЬНЫМИ КАРТИНАМИ ХУДОЖНИКА В. А. ПОЛЯКОВА

ШЕСТОЕ СТЕРЕОТИПНОЕ ИЗДАНИЕ

ТОМЪ II.

ИЗДАНИЕ

поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С-ПЕТЕРБУРГЪ

Гостиный Дв., 18 и Невскій, 13.

МОСКВА

Кузнецкій М., 12 и Моховая, 22

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ

и

ПРОЗАИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

(1839-1840)

ПОВѢСТЬ

ПРЕДИСЛОВІЕ

ко 2-му изданію

Во всякой книгѣ предисловіе есть первая и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя вещь; оно или служитъ объясненіемъ цѣли сочиненія, или оправданіемъ и отвѣтомъ на критики. Но обыкновенно читателямъ дѣла нѣтъ до нравственной цѣли и до журнальныхъ нападокъ, и потому они не читаютъ предисловія. А жаль, что это такъ, особенно у насъ. Наша публика такъ еще молода и простодушна, что не понимаетъ басни, если въ концѣ ея находитъ нравоученія. Она не угадываетъ шутки, не чувствуетъ ироніи; она просто дурно воспитана. Она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и въ порядочной книгѣ явная брань не можетъ имѣть мѣста; что современная образованность изобрѣла орудіе болѣе острое, почти невидимое и тѣмъ не менѣе смертельное, которое, подъ одеждою лести, наноситъ неотразимый и вѣрный ударъ. Наша публика похожа на провинціала, который, подслушавъ разговоръ двухъ дипломатовъ, принадлежащихъ къ враждебнымъ дворамъ, остался бы увѣренъ, что каждый изъ нихъ обманываетъ свое правительство въ пользу взаимной нѣжнѣйшей дружбы.

Эта книга испытала на себѣ еще недавно несчастную довѣрчивость нѣкоторыхъ читателей и даже журналовъ къ буквальному значенію словъ. Иные ужасно обидѣлись, и не шутя, что имъ ставятъ въ примѣръ такого безнравственнаго человѣка, какъ Герой Нашего Времени; другіе же очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портреты своихъ знакомыхъ... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь такъ ужъ сотворена, что все

въ ней обновляется, кромѣ подобныхъ нелѣпостей. Самая волшебная изъ волшебныхъ сказокъ у насъ едва ли избѣгнетъ упрека въ покушеніи на оскорбленіе личности!

«Герой Нашего Времени», милостивые государи мои, точно, портретъ, но не одного человѣка: это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дурень, а я вамъ скажу, что ежели вы вѣрили возможности существованія всѣхъ трагическихъ и романтическихъ злодѣевъ, отчего же вы не вѣруете въ дѣйствительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находить у васъ пощады? Ужъ не оттого ли, что въ немъ больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ? Извините. Довольно людей кормили сластями; у нихъ отъ этого испортился желудокъ: нужны горькіе лѣкарства, ѣдкіе истины. Но не думайте, однако, послѣ этого, чтобъ авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему просто было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ, и къ его и вашему несчастью, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить — это ужъ Богъ знаетъ! — (1841)

I. Б Э Л А

Я ъхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей телѣжки состояла изъ одного небольшого чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, къ счастью для васъ, потеряна, а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастью для меня, остался цѣль.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую долину. Осетинъ-извозчикъ неумоимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющомъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ высоко-высоко золотая бахрома снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другой безыменной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуею.

Подѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ; поблизости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, — а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколькихъ осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой

чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею телѣжкою четверка быковъ тащила другую какъ ни въ чемъ не бывало, несмотря на то, что она была доверху накладка. Это обстоятельство меня удивило. За нею шель ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ закавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соответствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился: онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

— Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ молча опять поклонился.

— Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.

— Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?

— Съ годъ, — отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

— А что жъ?

— Да такъ-съ! Ужасныя бестіи эти азіяты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричать? А чертъ ихъ разберетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнуть по-своему, быки все ни съ

мѣста... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь?.. Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ...

Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ!

— А вы давно здѣсь служите?

— Да, я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ¹, — отвѣчалъ онъ, пріосанившись. — Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ, — прибавилъ онъ, — и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ горцевъ.

— А теперь вы?..

— Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальонѣ. А вы, смѣю спросить?..

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился и мы продолжали молча идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но благодаря отливу снѣговъ мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла въ гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми и въ послѣдній разъ оглянулся на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались.

— Вѣдь этакій народъ! — сказалъ онъ, — и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: "Офицеръ, дай на водку!" Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по

жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темно-синіе вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранявшемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно, мнѣ показалось, что оно гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни; кой-гдѣ изъ-подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать среди этого мертваго сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

— Завтра будетъ славная погода! — сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

— Что жъ это? — спросилъ я.

— Гудъ-гора.

— Ну такъ что жъ?

— Посмотрите, какъ курится.

И въ самомъ дѣлѣ, Гудъ-гора курилась; по бокамъ ея ползали легкіе струйки — облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Ужъ мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей. и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнуль сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана...

— Намъ придется здѣсь ночевать, — сказалъ онъ съ досадою, — въ такую метель черезъ горы не переѣдешь. Что? были ль обвалы на Крестовой? — спросилъ онъ извозчика.

¹ Ермоловъ

— Не было, господинъ, — отвѣчалъ осетинъ-извозчикъ, — а висить много, много.

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чая, ибо со мной былъ чугунный чайникъ — единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкіе, мокрая ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ, куда дѣваться: тутъ блеютъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастью, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстие наподобіе двери. Тутъ открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. Посерединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать, мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

— Жалкіе люди! — сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остоленѣніи.

— Преглупый народъ! — отвѣчалъ онъ. — Повѣрите ли? ничего не умѣютъ, не способны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши кабардинцы или чеченцы хотя разбойники, голыши, зато отчаянныя башки, а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго

кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно осетины!

— А вы долго были въ Чечнѣ?

— Да, я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода, — знаете?

— Слыхалъ.

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти говорорѣзы; нынче, слава богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, уже гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди — либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!..

— А, чай, много съ вами бывало приключеній? — сказала я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него какую-нибудь исторію — желаніе, свойственное всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ. Между тѣмъ чай поспѣлъ; я вытащилъ изъ чемодана два походныхъ стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. Онъ отхлебнулъ и сказалъ какъ будто про себя: "Да, бывало!" Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые кавказцы любятъ поговорить, поразсказать; имъ такъ рѣдко это удается: другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ-нибудь въ захолустѣ съ ротою, и цѣлыя пять лѣтъ ему никто не скажетъ "здравствуйте" (потому что фельдфебель говоритъ "здравія желаю"). А поболтать было бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, любопытный; каждый день опасность, случаи бываютъ чудные, и тутъ поневолѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

— Не хотите ли подбавить рому? — сказалъ я своему собесѣднику, — у меня есть бѣлый изъ Тифлиса; теперъ холодно.

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

— Что такъ?

— Да такъ. Я даль себѣ заклатье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собой, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фронтъ навеселѣ, да ужъ и досталось намъ, какъ Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился! чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка — пропадшій человѣкъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть черкесы, — продолжалъ онъ, — какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ насилу ноги унесъ, а еще у мирнага князя былъ въ гостяхъ.

— Какъ же это случилось?

— Вотъ (онъ набилъ трубку, затянулся и началъ рассказывать), вотъ изволите видѣть, я тогда стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой — этому скоро пять лѣтъ. Разъ, осенью пришелъ транспортъ съ провіантомъ; въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій, на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недавно. "Вы, вѣрно, — спросилъ я его, — переведены сюда изъ Россіи?" — "Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ", — отвѣчалъ онъ. Я взялъ его за руку и сказалъ: "Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно... ну да мы съ вами будемъ жить по-пріятельски... Да, пожалуйста, зовите меня просто Максимъ Максимычъ, и, пожалуйста, — къ чему эта полная форма? приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ". Ему отвели квартиру, и онъ поселился въ крѣпости.

— А какъ его звали? — спросилъ я Максима Максимыча.

— Его звали... Григоріемъ Александровичемъ Печоринымъ. Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ цѣлый день на охотѣ; все иззябнуть, устануть — а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ, увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ; а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, зато ужъ иногда какъ начнетъ рассказывать, такъ животики надорвешь со смѣха... Да-съ, съ большими былъ странностями, и, должно быть, богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!..

— А долго онъ съ вами жилъ? — спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну да ужъ зато памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь помянуть! Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи!

— Необыкновенныя? — воскликнулъ я съ видомъ любопытства, подливая ему чая.

— А вотъ я вамъ расскажу. Версть шесть отъ крѣпости жилъ одинъ мирной князь. Сынишка его, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился къ намъ ѣздить: всякій день, бывало, то за тѣмъ, то за другимъ; и ужъ точно, избаловали мы его съ Григоріемъ Александровичемъ. А ужъ какой былъ головорѣзь, проворный на что хочешь: шапку ли поднять на всемъ скаку, изъ ружья ли стрѣлять. Одно было въ немъ нехорошо: ужасно падохъ былъ на деньги. Разъ, для смѣха, Григорій Александровичъ обѣщался ему дать червонецъ, коли онъ ему украдетъ лучшаго козла изъ отцовскаго стада; и что

жъ вы думаете? на другую же ночь притащилъ его за рога. А бывало, мы его вздумаемъ дразнить, такъ глаза кровью и нальются, и сейчасъ за кинжалъ. "Эй, Азамать, не сносить тебѣ головы, — говорилъ я ему, — яманъ² будетъ твоя башка!"

Разъ прѣзжаетъ самъ старый князь звать насъ на свадьбу: онъ отдавалъ старшую дочь замужъ, а мы были съ нимъ кунаки: такъ нельзя же, знаете, отказаться, хоть онъ и татаринъ. Отправились. Въ аулѣ множество собакъ встрѣтило насъ громкимъ лаемъ. Женщины, увидя насъ, прятались; тѣ, которыхъ мы могли разсмотрѣть въ лицо, были далеко не красавицы. "Я имѣлъ гораздо лучшее мнѣніе о черкешенкахъ", — сказалъ мнѣ Григорій Александровичъ. "Погодите!" — отвѣчалъ я, усмѣхаясь. У меня было свое на умѣ.

У князя въ саклѣ собралось уже множество народа. У азіатовъ, знаете, обычай всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ приглашать на свадьбу. Насъ приняли со всѣми почестями и повели въ кунацкую. Я, однако жъ, не позабылъ подмѣтить, гдѣ поставили нашихъ лошадей, знаете, для непредвидимаго случая.

— Какъ же у нихъ празднуютъ свадьбу? — спросилъ я штабсъ-капитана.

— Да обыкновенно. Сначала мулла прочитаетъ имъ что-то изъ Корана; потомъ дарятъ молодыхъ и всѣхъ ихъ родственниковъ, ѣдятъ, пьютъ бузу; потомъ начинается джигитовка, и всегда одинъ какой-нибудь оборвышъ, засаленный, на скверной хромой лошаденкѣ, ломается, паясничаетъ, смѣшитъ честную компанію; потомъ, когда смеркнется, въ кунацкой начинается, по-нашему сказать, балъ. Бѣдный старичишка бренчитъ на трехструнной... забылъ, какъ по-ихнему

ну, да вродѣ нашей балалайки. Дѣвки и молодые ребята становятся въ двѣ шеренги одна противъ другой, хлопаютъ въ ладоши и поютъ. Вотъ выходитъ одна дѣвка и одинъ мужчина на середину и начинаютъ говорить другъ другу стихи нараспѣвъ, что попало, а остальные подхватываютъ хоромъ. Мы съ Печоринымъ сидѣли на почетномъ мѣстѣ, и вотъ къ нему подошла меньшая дочь хозяина, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и пропѣла ему... какъ бы сказать?.. вродѣ комплимента.

— А что жъ такое она пропѣла, не помните ли?

— Да, кажется, вотъ такъ: "Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтанына нихъ серебромъ выложены, а молодой русскій офицеръ стройнѣе ихъ, и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ними; только не расти, не цвѣсти ему въ нашемъ саду". Печоринъ всталъ, поклонился ей, приложивъ руку ко лбу и сердцу, и просилъ меня отвѣчать ей, я хорошо знаю по-ихнему и перевелъ его отвѣтъ.

Когда она отъ насъ отошла, тогда я шепнулъ Григорію Александровичу: "Ну что, какова?" — "Прелестъ! — отвѣчалъ онъ. — А какъ ее зовутъ?" — "Ее зовутъ Бэлою", — отвѣчалъ я.

И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, какъ у горной серны, такъ и заглядывали намъ въ душу. Печоринъ въ задумчивости не сводилъ съ нея глазъ, и она частенько исподлобья на него посматривала. Только не одинъ Печоринъ любовался хорошенькой княжной: изъ угла комнаты на нее смотрѣли другіе два глаза, неподвижные, огненные. Я сталъ вглядываться и узналъ моего стараго знакомца Казбича. Онъ, знаете, былъ не то, чтобъ мирной, не то, чтобъ немирной. Подозрѣній на него было много, хоть онъ ни въ какой шалости не былъ замѣченъ. Бывало, онъ

² плохо (тюрк.)

приводилъ къ намъ въ крѣпость барановъ и продавалъ дешево, только никогда не торговался: что запросить, давай, — хоть зарѣжь, не уступить. Говорили про него, что онъ любить таскаться на Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ, — и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаромъ ему завидовали всѣ наѣзники и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная, какъ смоль, ноги — струнки, и глаза не хуже, чѣмъ у Бэлы; а какая сила! скачи хотъ на пятьдесятъ верстъ; а ужъ выѣзжена — какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ, голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ. Ужъ такая разбойничья лошадь!..

Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе, чѣмъ когда-нибудь, и я замѣтилъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга. "Недаромъ на немъ эта кольчуга, — подумалъ я, — ужъ онъ, вѣрно, что-нибудь замышляетъ".

Душно стало въ саклѣ, и я вышелъ на воздухъ освѣжиться. Ночь ужъ ложилась на горы, и туманъ начиналъ бродить по ущельямъ.

Мнѣ вздумалось завернуть подъ навѣсъ, гдѣ стояли наши лошади, посмотрѣть, есть ли у нихъ кормъ, и притомъ осторожность никогда не мѣшаетъ: у меня же была лошадь славная, и ужъ не одинъ кабардинецъ на нее умильно поглядывалъ, приговаривая: "Якши тхе, чекъ якши!"³

Пробираюсь вдоль забора и вдругъ слышу голоса; одинъ голосъ я тотчасъ

узналъ: это былъ повѣса Азамать, сынъ нашего хозяина; другой говорилъ рѣже и тише. "О чемъ они тутъ толкуютъ? — подумалъ я, — ужъ не о моей ли лошаdkѣ?" Вотъ присѣлъ я у забора и сталъ прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шумъ пѣсенъ и говоръ голосовъ, вылетая изъ сакли, заглушали любопытный для меня разговоръ.

— Славная у тебя лошадь! — говорилъ Азамать, — если бы я былъ хозяинъ въ домѣ и имѣлъ табунъ въ триста кобыль, то отдалъ бы половину за твоего скакуна, Казбичъ!

"А! Казбичъ!" — подумалъ я и вспомнилъ кольчугу.

— Да, — отвѣчалъ Казбичъ послѣ нѣкотораго молчанія, — въ цѣлой Кабардѣ не найдешь такой. Разъ, — это было за Терекомъ, — я ѣздилъ съ абреками отбивать русскіе табуны; намъ не посчастливилось, и мы разсыпались кто куда. За мной неслись четыре казака; ужъ я слышалъ за собою крики гяуровъ, и передо мною былъ густой лѣсъ. Прилегъ я на сѣдло, поручилъ себѣ аллаху и въ первый разъ въ жизни оскорбилъ коня ударомъ плети. Какъ птица нырнулъ онъ между вѣтвями; острия колючки рвали мою одежду, сухіе сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгалъ черезъ пни, разрывалъ кусты грудью. Лучше было бы мнѣ его бросить у опушки и скрыться въ лѣсу пѣшкомъ, да жаль было съ нимъ разстаться, — и пророкъ вознаградилъ меня. Нѣсколько пуль провизжало надъ моей головою; я ужъ слышалъ, какъ спѣшившіеся казаки бѣжали по слѣдамъ... Вдругъ передо мною рытвина глубокая; скакунъ мой призадумался — и прыгнулъ. Задніе его копыта оборвались съ противнаго берега, и онъ повисъ на переднихъ ногахъ; я бросилъ поводья и полетѣлъ въ оврагъ; это спасло моего коня: онъ выскочилъ.

³ Хороша, очень хороша! (тюрк.)

Казаки всё это видѣли, только ни одинъ не спустился меня искать: они, вѣрно, думали, что я убится до смерти, и я слышалъ, какъ они бросились ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью; поползъ я по густой травѣ вдоль по оврагу, — смотрю: лѣсъ кончился, нѣсколько казаковъ выѣзжаютъ изъ него на поляну, и вотъ выскакиваетъ прямо къ нимъ мой Карагезъ; всѣ кинулись за нимъ съ крикомъ; долго, долго они за нимъ гонялись, особенно одинъ раза два чуть-чуть не накинулъ ему на шею аркана; я задрожалъ, опустилъ глаза и началъ молиться. Черезъ нѣсколько мгновений поднимаю ихъ — и вижу: мой Карагезъ летитъ, развѣвая хвостъ, вольный какъ вѣтеръ, а гяуры далеко одинъ за другимъ тянутся по степи на измученныхъ коняхъ. Валлахъ! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидѣлъ въ своемъ оврагѣ. Вдругъ, что жъ ты думаешь, Азамать? во мракѣ слышу, бѣгаетъ по берегу оврага конь, фыркаетъ, ржетъ и бьетъ копытами о землю; я узналъ голосъ моего Карагеза; это былъ онъ, мой товарищъ!.. Съ тѣхъ поръ мы не разлучались.

И слышно было, какъ онъ трепалъ рукою по гладкой шеѣ своего скакуна, давая ему разныя нѣжныя названія.

— Если бъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобыль, — сказалъ Азамать, — то отдалъ бы тебѣ весь за твоего Карагеза.

— Йокъ⁴, не хочу, — отвѣчалъ равнодушно Казбичъ.

— Послушай, Казбичъ, — говорилъ, ласкаясь къ нему, Азамать, — ты добрый человекъ, ты храбрый джигитъ, а мой отецъ боится русскихъ и не пускаетъ меня въ горы; отдай мнѣ свою лошадь, и я сдѣлаю всё, что ты хочешь, украду для тебя у отца лучшую его винтовку или шашку, что только пожелаешь, — а шашка его настоящая гурда: приложи

лезвиемъ къ рукѣ, сама въ тѣло вопьется; а кольчуга — такая, какъ твоя, нипочемъ.

Казбичъ молчалъ.

— Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ твоего коня, — продолжалъ Азамать, когда онъ подъ тобой крутился и прыгалъ, раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, въ моей душѣ сдѣлалось что-то непонятное, и съ тѣхъ поръ всё мнѣ опостылѣло: на лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ, стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и, тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ являлся вороной скакунъ твой съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его! — сказала Азамать дрожащимъ голосомъ.

Мнѣ послышалось, что онъ заплакалъ: а надо вамъ сказать, что Азамать былъ преупрямый мальчишка, и ничѣмъ, бывало, у него слезъ не выбьешь, даже когда онъ былъ помоложе.

Въ отвѣтъ на его слезы послышалось что-то вродѣ смѣха.

— Послушай! — сказалъ твердымъ голосомъ Азамать, — видишь, я на всё рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ — чудо! Не бывало такой жены и у турецкаго падишаха ... Хочешь, дождись меня завтра ночью тамъ въ ущельѣ, гдѣ бѣжитъ потокъ: я пойду съ нею мимо въ сосѣдній ауль, — и она твоя. Неужели не стоитъ Бэла твоего скакуна?

Долго, долго молчалъ Казбичъ; наконецъ вмѣсто отвѣта онъ затянулъ старинную пѣсню вполголоса:⁵

⁴ Нетъ (тюрк.)

⁵ Я прошу прошенія у читателей въ томъ, что переложилъ въ стихи пѣсню Казбича, переданную мнѣ, разумеется,

Много красавиць въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяють во мракѣ ихъ глазъ.
Сладко любить ихъ, завидная доля;
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купить четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не
отстанетъ,

Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.

Напрасно упрашивалъ его Азаматъ
согласиться, и плакалъ, и льстилъ ему, и
клялся; наконецъ Казбичъ нетерпѣливо
прервалъ его:

— Поди прочь, безумный мальчишка!
Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ конѣ? На
первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ,
и ты разобьешь себѣ затылокъ объ камни.

— Меня? — крикнулъ Аза матъ въ
бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала
завенѣло объ кольчугу. Сильная рука
оттолкнула его прочь, и онъ ударился объ
плетень такъ, что плетень зашатался.
"Будетъ потѣха!" — подумалъ я, кинулся
въ конюшню, взнуздаль лошадей нашихъ
и вывелъ ихъ на задній дворъ. Черезъ двѣ
минуты ужъ въ саклѣ былъ ужасный
гвалтъ. Вотъ что случилось: Аза матъ
вбѣжалъ туда въ разорванномъ бешмете,
говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать.
Всѣ выскочили, схватились за ружья — и
пошла потѣха! Крикъ, шумъ, выстрѣлы;
только Казбичъ ужъ былъ верхомъ и
вертѣлся среди толпы по улицѣ, какъ
бѣсъ, отмахиваясь шашкой.

— Плохое дѣло въ чужомъ пиру
похмѣлье, — сказалъ я Григорью
Александровичу, поймавъ его за руку, —
не лучше ли намъ поскорѣй убраться?

— Да погодите, чѣмъ кончится.

— Да ужъ, вѣрно, кончится худо; у
этихъ азіатовъ всё такъ: натянулись бузы,
и пошла рѣзня! — Мы сѣли верхомъ и
ускакали домой.

— А что Казбичъ? — спросилъ я
нетерпѣливо у штабсъ-капитана.

— Да что этому народу дѣлается! —
отвѣчалъ онъ, допивая стаканъ чая, —
вѣдь ускользнулъ!

— И не ранень? — спросилъ я.

— А богъ его знаетъ! Живущи,
разбойники! Видаль я-съ иныхъ въ дѣлѣ,
напримѣръ: вѣдь весь исколотъ, какъ
рѣшето, штыками, а все махаетъ шашкой.
— Штабсъ-капитанъ послѣ нѣкотораго
молчанія продолжалъ, топнувъ ногою о
землю:

— Никогда себѣ не прощу одного:
чертъ меня дернулъ, пріѣхавъ въ
крѣпость, пересказать Пригорью
Александровичу всё, что я слышалъ, сидя
за заборомъ; онъ посмѣялся, — такой
хитрый! — а самъ задумалъ кое-что.

— А что такое? Разкажите,
пожалуйста.

— Ну ужъ нечего дѣлать! началъ
разсказывать, такъ надо продолжать.

Дня черезъ четыре пріѣзжаетъ
Азаматъ въ крѣпость. По обыкновенію,
онъ зашелъ къ Григорью Александровичу,
который его всегда кормилъ лакомствами.
Я былъ тутъ. Зашелъ разговоръ о
лошадяхъ, и Печоринъ началъ
расхваливать лошадь Казбича: ужъ такая-
то она рѣзвая, красивая, словно серна, —
ну, просто, по его словамъ, этакой и въ
цѣломъ мірѣ нѣтъ.

Засверкали глазенки у татарчонка, а
Печоринъ будто не замѣчаетъ; я заговорю
о другомъ, а онъ, смотришь, тотчасъ
собьетъ разговоръ на лошадь Казбича. Эта
исторія продолжалась всякій разъ, какъ
пріѣзжалъ Азаматъ. Недѣли три спустя
сталъ я замѣчать, что Азаматъ блѣднѣетъ
и сохнетъ, какъ бываетъ отъ любви въ
романахъ-с. Что за диво?..

Вотъ видите, я ужъ послѣ узналъ всю
эту штуку: Григорій Александровичъ до
того его задразнилъ, что хотъ въ воду.
Разъ онъ ему и скажи:

— Вижу, Азамать, что тебѣ больно понравилась эта лошадь; а не видать тебѣ её какъ своего затылка! Ну, скажи, что бы ты далъ тому, кто тебѣ её подарилъ бы?..

— Всѣ, что онъ захочетъ, — отвѣчалъ Азамать.

— Въ такомъ случаѣ я тебѣ её достану, только съ условіемъ... Поклянись, что ты его исполнишь...

— Клянусь... Клянись и ты!

— Хорошо! Клянусь, ты будешь владѣть конемъ; только за него ты долженъ отдать мнѣ сестру Бэлу: Карагезъ будетъ тебѣ калымомъ. Надѣюсь, что торгъ для тебя выгоденъ.

Азамать молчалъ.

— Не хочешь? Ну, какъ хочешь! Я думалъ, что ты мужчина, а ты еще ребенокъ: рано тебѣ ѣздить верхомъ...

Азамать вспыхнулъ.

— А мой отецъ? — сказалъ онъ.

— Развѣ онъ никогда не уѣзжаетъ?

— Правда...

— Согласенъ?..

— Согласенъ, — прошепталъ Азамать, блѣдный какъ смерть. — Когда же?

— Въ первый разъ, какъ Казбичъ пріѣдетъ сюда; онъ обѣщался пригнать десятокъ барановъ: остальное — мое дѣло. Смотри же, Азамать!

Вотъ они и сладили это дѣло... по правдѣ сказать, нехорошее дѣло! Я послѣ и говорилъ это Печорину, да только онъ мнѣ отвѣчалъ, что дикая черкешенка должна быть счастлива, имѣя такого милаго мужа, какъ онъ, потому что, по ихнему, онъ всё-таки ея мужъ, а что — Казбичъ разбойникъ, котораго надо было наказать. Сами посудите, что жъ я могъ отвѣчать противъ этого?.. Но въ то время я ничего не зналъ объ ихъ заговорѣ. Вотъ разъ пріѣхалъ Казбичъ и спрашиваетъ, не нужно ли барановъ и меда; я велѣлъ ему привести на другой день.

— Азамать! — сказалъ Григорій Александровичъ, — завтра Карагезъ въ моихъ рукахъ; если нынче ночью Бэла не будетъ здѣсь, то не видать тебѣ коня...

— Хорошо! — сказалъ Азамать и поскакалъ въ ауль. Вечеромъ Григорій Александровичъ вооружился и выѣхалъ изъ крѣпости: какъ они сладили это дѣло, не знаю, — только ночью они оба возвратились, и часовой видѣлъ, что поперекъ сѣдла Азамата лежала женщина, у которой руки и ноги были связаны, а голова окутана чадрой.

— А лошадь? — спросилъ я у штабсъ-капитана.

— Сейчасъ, сейчасъ. На другой день утромъ рано пріѣхалъ Казбичъ и пригналъ десятокъ барановъ на продажу. Привязавъ лошадь у забора, онъ вошелъ ко мнѣ; я попотчевалъ его чаемъ, потому что хотя разбойникъ онъ, а всё-таки былъ моимъ кунакомъ.

Стали мы болтать о томъ, о семъ: вдругъ, смотрю, Казбичъ вздрогнулъ, перемѣнился въ лицѣ — и къ окну; но окно, къ несчастію, выходило на задворье.

— Что съ тобой? — спросилъ я.

— Моя лошадь!.. лошадь!.. — сказалъ онъ, весь дрожа.

Точно, я услышалъ топотъ копытъ: "Это, вѣрно, какой-нибудь казакъ пріѣхалъ..."

— Нѣтъ! Урусъ яманъ, яманъ! — заревѣлъ онъ и опрометью бросился вонъ, какъ дикій барсъ. Въ два прыжка онъ былъ ужъ на дворѣ; у воротъ крѣпости часовой загородилъ ему путь ружьемъ; онъ перескочилъ черезъ ружье и кинулся бѣжать по дорогѣ... Вдали вилась пыль — Азамать скакалъ на лихомъ Карагезе; на бѣгу Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье и выстрѣлилъ, съ минуту онъ остался неподвиженъ, пока не убѣдился, что далъ промахъ; потомъ завизжалъ, ударилъ ружье о камень, разбилъ его вдребезги, повалился на землю и зарыдалъ, какъ ребенокъ...